[56] Там же. Д. 1023. Л. 34 об.
[57] См. особое пятое «Отделение» Устава РАК (*Тихменев П. А.* Указ. раб. Ч. II. Приложения. С. 61).
[58] *Дорошин П. П.* Указ. раб. С. 384.
[59] АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 1003. Л. 186 об.
[60] *Дорошин П. П.* Указ. раб. С. 378.
[61] Там же. С. 383—384.
[62] *Головин П. Н.* Обзор русских колоний в Северной Америке//Морской сборник. 1862. Т. LVII. Ч. III. С. 151.
[63] *Birket-Smith K., De Laguna F.* Op. cit. P. 163.
[64] *Краусс М. Е.* Языки коренного населения Аляски: прошлое, настоящее и будущее//Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981. С. 157.
[65] АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 1027. Л. 76 об.
[66] *Гринев А. В.* Индейцы тлинкиты... С. 20, 212, 243.
[67] *De Laguna F.* Eyak. P. 195—196.

Eyak Indians during the Period of Russian America

Eyaks, «opened» all over again by American ethnologists only in 1930, are a kind of «The Last of the Mohicans» of South-East Alaska. Author based on ethnologic, historic, linguistic sources and archives data tries to reconstruct the ethnic history of these small Indian people, almost completely exterminated now. This theme wasn't affected in the Russian ethnology, so the present article filis a gap in blank space.

A. V. Grinev

© 1993 г., ЭО, № 5

Е. Ю. Лыкова

К ИСТОРИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В НИКАРАГУА

Для многих стран современного мира характерен рост националистических, регионалистских, сепаратистских настроений и связанных с ними конфликтов. Один из примеров — Никарагуа. В этой почти моноэтничной стране (основной этнос — испаноязычные никарагуанцы — составляет 88% общей численности населения [1]) выделяется особый регион — Атлантическое побережье, или Москития, с чрезвычайно пестрым этническим составом: испаноязычные метисы (182 тыс.), индейцы мискито (москито; 67 тыс.), сумо (5 тыс.), рама (700 человек), креолы (так здесь называют негров — 26 тыс.), черные карибы (1,5 тыс.) [2], а также китайцы, американцы США и другие, численность которых неизвестна. Именно в этом регионе и произошли острейшие межнациональные столкновения, получившие в Никарагуа название «этнической войны», основную причину которой следует искать в этнической истории страны.

Еще в доколумбов период индейские племена, жившие на перешейке между Тихим океаном и озерами, значительно отличались по языку и культуре от своих восточных соседей [3]. Раздельное развитие Тихоокеанского побережья и Москитии в колониальное время (на западе в XVI—XVIII вв. находились владения Испании, а на востоке — Великобритании) способствовало возникновению этнических общностей, сформировавшихся независимо друг от друга. К концу XIX в. на территории бывших испанских колоний сложился никарагуанский этнос, основу которого составляли испаноязычные метисы-католики. В XX в. его консолидация продолжалась преимущественно в прежних границах. Активная ассимиляторская политика в период независимости (с 20-х годов XIX в.) привела к тому, что здесь индейские этносы исчезли уже в начале нынешнего века, оставив лишь определенный след в культуре никарагуанцев [4].

Этническая ситуация в Москитии, отделенной от Тихоокеанского побережья покрытыми сельвой горами, складывалась иначе. В районе Кабо-Грасьяс-а-Диос происходило интенсивное смешение местных индейцев с бежавшими из английских владений неграми, в результате которого во второй половине XVIII в. возникло новое этническое образование — миско́то. Негритянское влияние отразилось на их внешнем облике и отчасти на языке [5]. По самосознанию и культуре они были близки другим индейским племенам Москитии: занимались преимущественно охотой, рыболовством и собирательством, знали примитивное земледелие, вели полукочевой образ жизни, говорили на различных диалектах, относящихся к языковой группе макрочибча, и имели, по их представлениям, общих с соседями предков [6]. При поддержке Великобритании миско́то установили контроль над восточными районами Центральной Америки от Британского Гондураса до Коста-Рики, что позволило использовать их для защиты английских колоний, для налетов на испанские владения, как посредников в обмене с коренными жителями региона и в какой-то мере как поставщиков рабов. Дань, которую разрешалось миско́то собирать с зависимых племен, была своеобразной платой за названные «услуги» [7].

В конце XVIII — первой половине XIX в. миско́то постепенно расселились небольшими общинами на огромном пространстве между Рио-Негро (Гондурас) и Лагуна-де-Перлас (Никарагуа), а также заняли нижнее и среднее течение р. Коко, вытесняя из этих мест во внутренние районы Москитии индейские племена, известные под общим этнонимом сумо [8]. Если для миско́то можно выделить район компактного расселения — нижнее течение р. Коко, то для сумо — нет. Их немногочисленные общины были разбросаны по долинам рек, отделенным друг от друга сельвой и горами. Хотя миско́то и сумо — родственные этносы, о чем писали многие исследователи, между ними долгое время существовали отношения господства-подчинения. Что касается индейцев рама, то они, стремясь предотвратить исчезновение племени, около 200 лет назад переселились на острова Рама-Кей в лагуне Блуфилдс и в дальнейшем практически не принимали участия в этнических процессах, происходивших в Москитии [9].

В XIX в. в Москитии окончательно оформилась установленная англичанами система «непрямого управления». Один из вождей миско́то был коронован. Монарх, руководимый консулом Великобритании, раздавал колонизаторам во владение огромные территории, а своих «подданных» направлял на британские плантации. Так как миско́то из-за малочисленности не могли удовлетворить потребности плантационного хозяйства в рабочей силе, то метрополия санкционировала ввоз на побережье законтрактованных вест-индских негров, которые стали самой многочисленной иммигрантской группой в регионе [10].

В середине XIX в. Москития привлекла внимание многих капиталистических стран в связи с тем, что через ее территорию мог пройти межокеанский канал. Судьбу региона определила борьба между США, недовольными усилением британского влияния на Атлантическом побережье и потому поддержавшими претензии Никарагуа на эти земли, и Великобританией, формально защищавшей этническую обособленность миско́то. В 1860 г. марионеточное королевство, жители которого были весьма далеки от политики, было разделено на две части между Гондурасом и Никарагуа. В составе последней его южная часть получила статус автономного резервата, в котором продолжали действовать законы Британской империи [11]. Великобритания, охраняя интересы своих монополий, в какой-то мере защищала и права жителей Москитии, в частности препятствовала разрушению индейских общин (согласно закону 1877 г., в Никарагуа общинные земли в принудительном порядке разделялись между их членами). Но уже в конце XIX в. американцы практически вытеснили англичан из экономики Москитии.

Воспользовавшись этим, президент Никарагуа Сантос Селайя в 1894 г. лишил резерват его особого статуса. Вся Москития была превращена в никарагуанский департамент Селайя, площадь которого составила более половины национальной территории. В новом департаменте устанавливались те же порядки, что и в других

районах страны: было запрещено преподавание на английском языке в местных школах; конфискованы и розданы никарагуанским офицерам и чиновникам земли тех, кто не имел на них официальных документов (с 1894 по 1906 г. было сдано в концессии 10,3% общей площади департамента [12]); насильственно разрушались индейские общины и т. д. Подобная внутренняя политика отнюдь не привела к быстрой интеграции Атлантического побережья в общеникарагуанские структуры и ассимиляции его населения. Вопреки желанию правительства в регионе распространились сепаратистские и националистические настроения и начались антиникарагуанские выступления, крупнейшие из которых — мятеж генерала Рейеса (1899 г.), поддержанный жителями Москитии, и восстания мискито 1905—1906 гг.

Так как все попытки жителей Селайи добиться восстановления автономии жестоко подавлялись, они обратились за защитой к бывшей покровительнице — Британской империи. В послании к королеве они писали: «Мы попали в руки правительства и народа, которые не имеют ни малейшего интереса и симпатии к жителям Москитии. Так как наши привычки, обычаи, религия, законы и язык различны, достижение единства невозможно» [13]. Великобритания приняла участие в урегулировании конфликта, стремясь упрочить свой международный авторитет. По договору 1906 г., подписанному между ней и Никарагуа, индейцы и креолы, родившиеся до 1894 г., были освобождены на 50 лет от службы в армии и уплаты налогов, им разрешалось сохранять общинное землевладение и традиционный уклад; жители региона в течение двух лет должны были получить официальные документы на владение землей [14]. В договоре была оговорена норма землевладения для мискито: 8 мансан (около 5 га) на семью из 4 человек или по 2 мансаны на человека для более крупных семей. На практике это приводило к сокращению общинных земель. Индейско-креольская буржуазия утратила былые привилегии — возможность занимать ключевые посты в местном управлении и законодательных органах, а также распоряжаться финансами резервата [15].

Подобное решение проблемы Москитии не удовлетворило богатых мискито и креолов, поэтому они продолжали призывать Великобританию, а позже и США, добиться восстановления автономии Москитии, а также убеждали жителей в том, что защитить их права может лишь государство-покровитель, которое заставит никарагуанское правительство вернуть региону статус резервата. В результате среди мискито укрепилось мнение, что период существования автономии был их «золотым веком». Индейцы сумо, напротив, не были заинтересованы в восстановлении резервата, так как боялись вновь попасть в зависимость от мискито. Эти представления коренных обитателей Атлантического побережья сохранились до наших дней и оказали в дальнейшем значительное воздействие на характер требований этнических меньшинств в сандинистской Никарагуа.

Новые противоречия, приведшие впоследствии к конфликту в Москитии, возникли в период полновластия США, который продолжался в Селайе с 1906 г. до середины XX в. Американские монополии добивались максимальной изоляции этого региона от остальной территории Никарагуа. Обособленность Селайи усиливалась за счет ее сближения со странами Карибского бассейна и с США, с которыми были установлены тесные торговые и культурные связи. Основной поток иммигрантов в Селайю в это время также шел из этих государств. Под влиянием переселенцев многие населенные пункты Селайи приобрели «северо-американский» облик, в культуре их жителей превалировал афро-карибский пласт. Особенно затронули эти процессы южную часть региона, так как именно здесь селилось большинство иммигрантов. В итоге различия в экономике и культуре западных районов Никарагуа и Селайи стали более существенными: первые сохранили ориентацию на испаноязычные страны, а вторые испытали воздействие англоязычных государств Вест-Индии и США.

В первой половине XX в. иностранные компании установили в Селайе собственные порядки и законы, не считаясь ни с интересами никарагуанского государства, ни с традициями местных жителей. Они создали здесь множество

предприятий, продукция которых шла на экспорт, а доходы практически не облагались налогами. В полной зависимости от американских предпринимателей оказалась местная буржуазия. Ее попытки отстоять свои интересы в союзе с никарагуанской олигархией [16] не находили поддержки у центрального правительства, которое не намеревалось выступать против монополий. Часть миститo и сумо была вытеснена с общинных земель и превращена в наемных рабочих. В некоторых случаях целые индейские общины попадали в зависимость от иностранного капитала. Они должны были поставлять скупщикам бананы, ценную древесину, чикле*, «дары моря» и т. п. В обмен индейцы получали не деньги, а товары, часто низкокачественные. Жители низовий р. Коко, например, культивировали преимущественно бананы и кокосовую пальму, свой урожай они сдавали представителям компаний и в обмен получали импортные продукты питания, одежду, утварь и т. п. Так хозяйство коренных обитателей Москитии попадало в зависимость от внешней торговли, что спустя несколько лет, когда коньюнктура на мировом рынке изменилась, привело его к кризису.

Под воздействием американцев изменились и межэтнические отношения в регионе. Несмотря на то что многие индейцы по-прежнему были земледельцами-общинниками, интересы которых почти не выходили за пределы их деревень, они в той или иной мере ощущали на себе гнет монополий, поэтому некоторые из них оказали поддержку армии Сандино во время ее похода на Атлантическое побережье (1931 г.) [17]. Большинство же аборигенов не понимало, за что борются сандинисты, и сохраняло недоброжелательное отношение к испаноязычным никарагуанцам [18]. Компании поддерживали националистические настроения индейцев, стремясь противопоставить их не только немногочисленным переселенцам с запада страны, но и креолам. Последние занимали привилегированное положение, поскольку составляли окружение короля, потом (с 1860 г.) — вождя Москитии. С присоединением резервата к Никарагуа эти привилегии исчезли. В XX в. большинство негров стало наемными рабочими, хотя встречались землевладельцы и торговцы. Так как индейцы и вест-индские иммигранты часто работали на одном предприятии, то американцы опасались их совместных выступлений против гнета монополий. Разобщить трудящихся компаниям удалось с помощью расистского законодательства: под давлением США никарагуанское правительство с мая 1930 г. запретило предоставлять гражданство неграм, китайцам, туркам, арабам и армянам. Так были противопоставлены друг другу аборигены и переселенцы, причем к действиям американцев они отнеслись по-разному: среди индейцев, получивших привилегии, распространились проамериканские настроения, а лишившиеся каких-либо прав иммигранты осуждали политику монополий.

Новый этап в истории Селайи начался в 1950-е годы. Хищническая эксплуатация природных ресурсов региона — вырубка леса на водоразделах — привела к экологической катастрофе — заболачиванию земель. Компании свернули свое производство, демонтировав оборудование, электростанции, железные дороги. Экономика Москитии оказалась в кризисном состоянии. Началась массовая безработица.

Лишившись заработков во внутренних областях департамента, иммигранты переселялись в города и поселки побережья, на Корн-Айленд или уезжали в другие районы страны и за рубеж. Это привело к кардинальным сдвигам в этническом облике региона. В составе креолов выделились две группы. Первая — жители окрестностей Блуфилдса. Среди них было много недавних выходцев из США и Вест-Индии, что отражалось на их культуре в широком смысле слова и социальном поведении. Большинство чернокожих обитателей этих мест занимались ремеслом, торговлей и морскими промыслами. В отличие от них представители второй группы — креолы и черные карибы, расселившиеся к северу от Блуфилдса в районе Лагуна-де-Перлас, специализировались на товарном

* Млечный сок дерева сапотилья, применяется для производства жевательной резинки.

земледелии, ловле черепах и охоте, но по языку и культуре были близки к индейцам и неграм Блуфилдса [19].

Китайцы Москитии, попавшие сюда, вероятно, на рубеже XIX—XX вв., оставались немногочисленной (несколько десятков человек) эндогамной кастой. Среди иммигрантов они выделялись тем, что селились рассредоточенно и помимо родного языка владели английским, испанским и миск ито. Основным их занятием была торговля. Влияние китайцев в этой сфере постоянно росло, что вызывало недовольство индейско-креольской буржуазии [20].

Судьба коренных жителей Москитии складывалась иначе. Только несколько сотен человек продолжали работать на шахтах, лесопильных и иных предприятиях. Некоторые миск ито и сумо, как и креолы, переселялись на побережье или уезжали в поисках работы в другие страны, но большинство индейцев вернулось в свои общины. Основным районом их расселения оставалась Северная Селайя, в которой миск ито и сумо составляли соответственно 84 и 2% населения [21]. Немногочисленная группа миск ито и близких им самбо (потомки от индейско-негритянских браков) занимали побережье от мыса Грасьяс-а-Диос до Лагуна-де-Перлас. Основой их хозяйства были морские промыслы — ловля рыбы, черепах, сбор моллюсков. «Дары моря» скупали представители частных компаний, перепродававшие их за рубеж. Выращивание корнеплодов и пальмовых играло вспомогательную роль и не имело товарного характера. Особенности хозяйства определили специфику расселения индейцев: они сгруппировались вокруг нескольких населенных пунктов (Кабо-Вьехо, Санди-Бай, Пуэрто-Кабесас, Ууа). Основная часть миск ито и сумо была сконцентрирована в районе р. Коко. Здесь общины оставались земледельческими, но специализация их хозяйства изменилась. Жители верховий Коко выращивали рис и фасоль. На землях, находившихся ниже поселка Уаспан, подверженных заболачиванию, миск ито выращивали только рис и кокосы. Некоторые индейцы имели по нескольку голов крупного рогатого скота, но значительного распространения скотоводство не получило. Важную роль в хозяйстве аборигенов играло рыболовство, так как в случае гибели урожая, что нередко происходило из-за неблагоприятного климата, рыба становилась основой питания общинников. Изготовление кустарных изделий (за исключением лодок) практически прекратилось еще в начале века. Миск ито и сумо продолжали покупать импортные товары, поэтому периодически уходили из своих общин на заработки [22].

Некоторые индейцы-общинники занимались выращиванием зерновых на продажу. Так как было выгоднее продавать большую партию товара, то миск ито старались прикупить часть урожая своих соседей. Все зерно сплавляли на плотах в ближайший крупный поселок, где продавали его перекупщикам. У них же индейские торговцы приобретали нужные для членов общины товары, которые после сбывали своим землякам. Часто, продав весь урожай, общинники оставались без продуктов питания и семян и были вынуждены выкупать свое же зерно у перекупщиков, но уже втридорога, что приводило аборигенов к долговой кабале. Так как перекупщиками были в основном китайцы и креолы — люди иной этнической принадлежности, то возникавшие между ними и индейцами социально-экономические конфликты обычно приобретали форму межэтнических [23].

Распространение товарно-денежных отношений вызвало имущественную дифференциацию в общинах, но не привело к их разрушению. Хотя разбогатевшие торговцы иногда нанимали рабочих из числа своих же соплеменников, которым потом выплачивалось денежное вознаграждение, но чаще эксплуатировали труд родственников, используя традиционные формы коллективной взаимопомощи. При расчистке земли под посевы, при посадке и уборке риса и фасоли практиковалась система pana-pana (миск.) — взаимная отработка. В экстренных ситуациях, когда требовалось срочно убрать урожай, применялась система medias (исп.) — участвовавшие получали половину собранного. Таким образом, использование взаимопомощи приносило выгоды не только богатым, но

благодаря системе medias и малоимущим индейцам, что способствовало снижению социальной напряженности внутри общин [24].

После ухода американских компаний из Москитии реальную власть над ней опять обрело никарагуанское правительство. Несмотря на некоторые расхождения в деталях, оно преследовало те же цели, что и иностранные монополии,— намеревалось обогащаться за счет этого региона. Сомосовская администрация ограничилась теми преобразованиями, без которых было невозможно эксплуатировать природные и людские ресурсы Селайи, что в условиях экономического кризиса привело к предельному обострению межэтнических отношений в регионе. В 1952 г. Москития подверглась «культурной интеграции», которая сводилась преимущественно к языковой унификации: испанский язык в качестве государственного вводился во всех официальных учреждениях, вытесняя оттуда английский. Многие жители региона, практически не говорившие по-испански, потеряли доступ к образованию и соответственно к работе, требующей знания этого языка или специальной подготовки. Число безработных, особенно среди креолов-горожан, увеличилось. Лишь немногие, имевшие возможность обучаться за границей, продолжали работать в банках, промышленных и торговых фирмах, но и они не могли занимать посты в местном управлении, так как для этого было необходимо согласие сомосовской администрации. У сельских жителей возникали сложности при общении с представителями власти, при найме на сезонную работу и т. д. Наибольшие трудности испытывали те мискито и сумо, которые были вынуждены переселяться в города. Поскольку приезжавшие из западных департаментов в Селайю чиновники считали аборигенов отсталыми людьми и отказывали им в приеме на работу или иначе ограничивали их права, то на новых местах жительства мигранты старались не говорить на родных языках и стремились скорее приобщиться к культуре испаноязычных метисов. В итоге все жители Селайи в большей или меньшей степени подверглись языковой, а нередко и расовой дискриминации, что не раз приводило к обострению отношений между ними и испаноязычными никарагуанцами.

С 1960 г. основным районом межэтнических конфликтов стала Северная Селайя. Причин тому было много. Одна из них — окончательное признание р. Коко границей между Гондурасом и Никарагуа [25], которое привело к тому, что территория исконного обитания мискито и сумо была рассечена надвое. Кроме того, никарагуанское правительство, отводя свои войска с гондурасской территории, переселило часть местных жителей на равнину Тасба Рая — малонаселенный внутренний район никарагуанской Москитии. Индейцы оказались в очень тяжелых условиях, поскольку пригодные для обработки земли по традиции принадлежали одной из местных общин. Так как выделявшиеся переселенцам каменистые пустоши были малопригодны для земледелия, а заниматься только скотоводством они не умели, то через 2—3 года большинство из них вернулось к р. Коко. Они построили новые деревни на правом, никарагуанском, берегу, но продолжали обрабатывать «свои» земли на левом, за что вынуждены были отдавать гондурасским чиновникам 1 кинталь (46 кг) урожая с каждого гектара посевов [26]. Нарушение границы стало обыденным для Селайи явлением. Река Коко оставалась главной транспортной артерией, связывающей общины внутренних районов с побережьем, а крупные населенные пункты на ее берегах по-прежнему были местными торговыми и культурными центрами вне зависимости от того, находились они на гондурасской или никарагуанской территории. Власти обоих государств не считали нужным бороться с таким положением, поэтому в 60—70-е годы открытые столкновения между коренными жителями Москитии и представителями власти по поводу границы были редкостью, но постепенно напряженность возрастала, так как никарагуанские пограничники — испаноязычные метисы — всячески стремились обогатиться за счет мискито и сумо, живших вдоль р. Коко.

С 1963 г. главным направлением деятельности сомосовской администрации стала внутренняя колонизация, позволявшая, в частности, уменьшить аграрное

перенаселение в западных испаноязычных департаментах и увеличить площади обрабатываемых земель в Москитии практически без затрат из госбюджета. Согласно утвержденному в 1963 г. закону об аграрной реформе, собственностью земледельца становился любой освоенный им в Селайе участок. Миграция крестьян в восточные районы, происходившая спонтанно и ранее, резко возросла. В 1963 г. только из четырех центральных департаментов в Селайю переселилось 11% их жителей (около 15 тыс. человек) [27]. Здесь они установили связи с местным испаноязычным населением шахтерских поселков. Таким образом, их контакты со своим этносом не прервались, но ослабли из-за территориальной разобщенности. От креолов и индейцев переселенцев отделял культурный барьер (различные языки, вероисповедания, обычаи и т. д.), который был препятствием для интеграционных процессов, хотя определенное сближение, преимущественно в сфере материальной культуры, все-таки происходило [28]. Приток испаноязычных никарагуанцев в Селайю продолжался и в начале 80-х годов, когда метисы составляли уже более половины ее населения [29].

Переселенцы с запада страны стремились «освоить» новые земли любой ценой: выжигали девственный лес и распахивали освободившееся пространство. Тропические ливни быстро размывали плодородный слой почвы, и земледельцы вынуждены были переходить на новые участки. Старые зарастали вторичным лесом, и их скупали помещики-скотоводы для разведения зебу (позднее этим же стали заниматься транснациональные компании). Волны переселенцев продвигались все дальше на восток, постепенно нарушая «аграрную границу» (frontera agricola — исп.) — установленный государством предел колонизации, ограничивающий проникновение никарагуанских крестьян на основные территории расселения индейцев и креолов. Для мискито и сумо, которые не могли документально подтвердить свое право собственности, вторжение переселенцев оборачивалось потерей земель [30]: находившиеся недалеко от границы Селайи и центральных департаментов 150 общин мискито и 50 общин сумо утратили значительную часть своих владений [31].

Земли индейцев отторгали не только мигранты, но и государство, предоставлявшее общинам официальный статус. В деревни мискито и сумо направлялись землемеры, определявшие наделы для каждой общины согласно установленной норме. Пострадали преимущественно жители низовий р. Коко, так как их поселения были более доступны. После получения официальных документов они стали собственниками маленьких парцелл в пойме реки, которые к тому же ежегодно уменьшались из-за прогрессировавшего заболачивания почвы. Когда мискито попытались освоить новые участки — начали выжигать хвойный лес на возвышенностях, правительство решило удалить большинство из них в Тасба Рая, так как индейцы мешали лесодобывающим компаниям. Мискито воспротивились переселению, в ответ центральные власти направили против них карательные отряды, которые уничтожили около 400 человек [32]. После этих событий мискито были вынуждены уходить из низовий р. Коко в Тасба Рая или в города.

В результате преобразований в аграрном секторе страны малоземелье стало острейшей проблемой Селайи и главной причиной межэтнических конфликтов. Мискито и сумо по мере интеграции Москитии и проникновения в нее испаноязычных никарагуанцев теряли свои владения. Наиболее значимой для них была утрата земель в Северной Селайе — районе их исконного обитания. Эти участки стали собственностью западных колонистов или государства. Между индейцами и испаноязычными крестьянами происходили острые столкновения. Диктаторский режим репрессивными мерами подавлял возмущение как представителей основного этноса, так и этнических меньшинств. То, что сомосовская администрация защищала интересы никарагуанской олигархии и иностранных монополий, а не рядовых граждан страны, большинство индейцев и многие креолы не осознавали, поэтому карательные акции центральных властей вызывали новые межэтнические столкновения.

Своеобразная конфессиональная ситуация также наложила свой отпечаток на

ход этнических процессов и на конфликтную ситуацию в Селайе. Различные церковные организации играли в этом регионе более важную роль, чем в других районах страны, так как не только формировали мировоззрение ее жителей, но и обладали монополией на просвещение, здравоохранение, распределение международной помощи, а также активно участвовали в социально-экономической и политический жизни Селайи. В XIX—XX вв. в Селайе действовало несколько религиозных организаций. Католическая церковь, господствовавшая на западе с колониальных времен, здесь особой роли не играла. Христианизацией индейцев и отчасти креолов занимались протестантские миссионеры. Тем не менее миститo и сумо вплоть до наших дней сохранили многие традиционные верования.

Раньше других начала деятельность в Селайе протестантская секта Моравских братьев — еще с середины XIX в. Первые миссионеры, прибывшие из Германии, не только распространяли свое вероучение, но и пытались заложить основу будущего «рая для немцев», который предполагалось здесь создать. Стремясь обосноваться в Москитии надолго, члены братства изучали языки, обычаи, культуру местных жителей. Например, во второй половине XIX в. они издали первый словарь языка мискито [33]. Миссионеры собирали подобные материалы не ради науки, а для конкретной религиозной и светской деятельности секты. Уже в 1855 г., через 6 лет после появления Моравских братьев в Москитии, в Блуфилдсе был создан немецкий торговый центр, который действовал до 1922 г.

Желая привлечь в свои общины максимальное количество людей, Моравские братья во второй половине XIX в. построили в городах церкви, в которых службы велись на английском языке и языке мискито. При церквах миссионеры создавали школы первой и второй ступени, помогавшие распространять не только знания, но и учение Моравских братьев. Члены секты периодически объезжали индейские деревни. Для христианизации мискито на их языке уже в 1893 г. был издан сборник религиозных гимнов и литургий, а в XX в. миссионеры совместно с индейцами подготовили перевод Старого и Нового заветов [34].

Помимо этого члены братства налаживали здравоохранение в регионе. Только с 1933 по 1969 г. они создали и обеспечили работу двух больниц и шести медпунктов [35]. Некоторые миссионеры занимались также торговлей, хотя это и противоречило вероучению Моравских братьев. Кроме того, в 1920 г. сектой была создана в поселке Уаслала школа, в которой индейцы могли обучаться ремеслам: столярному и сапожному делу, выделке кож, ткачеству [36]. Все это привлекало местных жителей, поэтому к началу XX в. большинство мискито, сумо и креолов стали членами братства.

В 1913 г. в Москитии начинает свою деятельность испанский католический орден капуцинов и с этого момента здесь возникает борьба за влияние между ним и Моравскими братьями. Когда в департаменте появились первые миссионеры-католики, протестантская секта уже имела развитую сеть религиозных центров во всех «стратегических» пунктах региона, более чем полувековой опыт работы и множество приверженцев. Пасторы были инициаторами создания новых поселений в Москитии, в которых строились прочные жилища, сконструированные немецкими плотниками — членами общины. Интересно, что сейчас такие дома некоторые исследователи считают традиционными жилищами мискито [37]. Индейцы охотно селились около моравских миссий, поскольку в подобных поселениях можно было бесплатно получить образование, медицинскую помощь, а также помощь международных благотворительных организаций, которыми распоряжались пасторы. Образ жизни в таких селениях определялся не только обычаями и традициями индейцев, но главным образом интересами тех компаний, которые предоставляли Моравским братьям средства для строительства. Предпринимателям это было выгодно, так как на новых местах мискито и сумо уже не могли вести прежнее хозяйство и их легче было превратить в наемных рабочих. Привычная для коренных жителей общинная форма организации сохранялась, но уже как атрибут конфессионального объединения, и пасторы занимали место прежних общинных лидеров. Упрочить влияние братства должна была и специальная

система теологического образования. С 1925 г. в Селайе начали работать летние религиозные школы, которые в 1930 г. превратились в круглогодичные. С 1941 г. по новой программе в них стали готовить пасторов из индейцев и креолов [38]. В этих условиях орден капуцинов не смог добиться значительного влияния среди местных жителей, хотя в Селайе постоянно находились 35 священников.

Ситуация изменилась во второй половине XX в. В ходе кампании «культурной интеграции» Селайи (50-е годы) были закрыты лучшие учебные заведения, созданные протестантской сектой. Помимо этого, Моравские братья утратили монополию на просвещение, здравоохранение и распределение международной помощи среди жителей департамента. Эти сферы деятельности фактически стали прерогативой католической церкви. Отчасти благодаря этим изменениям, но преимущественно вследствие массовой миграции в Селайю никарагуанцев с Тихоокеанского побережья католики стали самой многочисленной конфессией региона. Их сплочению способствовала деятельность ордена капуцинов, который сделал религию основой для объединения испаноязычных мигрантов западных областей Никарагуа. Воспользовавшись опытом протестантских миссионеров, капуцины в начале 60-х годов изменили методы работы с населением. Священников стало почти вдвое меньше, но появились дьяконы, с определенной периодичностью объезжавшие деревни переселенцев. Все они занимались организацией жизнедеятельности католической общины. Но все же на местах некоторые религиозные функции вынуждены были выполнять сами прихожане. К концу 60-х годов капуцины начали реализовывать новую программу. Священники отбирали в селениях людей, пользовавшихся наибольшим уважением, и предлагали жителям выделить средства, чтобы направить этих людей на религиозное обучение к капуцинам. Первые представители общин (delegados de la Palabra) собрались в поселке Рама в 1968 г., где миссионеры научили их писать, читать, а также трактовать некоторые религиозные тексты. Потом крестьяне вернулись в свои деревни, где должны были присматривать за кладбищем или часовней, а также помогать капуцинам в их «мирских делах»: создании объединений земледельцев (club de agricultores — исп.), ассоциации домашних хозяек, системы самоуправления общины, строительстве школ, медицинских пунктов и т. п. Подобную кампанию священники повторили в 1972 и 1977 гг. В начале 80-х годов в Селайе было уже 1700 прихожан, прошедших подготовку у католических священников. Всех их епископ посвятил в духовный сан, тем самым включив в церковную иерархию. В результате испаноязычное население в районе поселка Рама (Южная Селайя) и шахт Сьюна (Северная Селайя) превратилось в оплот католической общины региона.

В 70-е годы под воздействием идей католического обновления и «мятежной» церкви капуцины стали больше внимания уделять конкретным нуждам жителей Селайи. В 1971 г. они начали реализацию многоступенчатой образовательной программы по методу крупнейшего бразильского этнографа и социолога Пабло Фрейре. Для распространения элементарных правовых знаний миссионеры в 1973—1977 гг. провели несколько курсов обучения и подготовили специальные книжечки с популярным изложением ряда разделов конституции, трудового законодательства и т. п., которые фиксировали права сельских жителей (вышли общим тиражом 4 тыс. экземпляров) [39]. Авторитет католической церкви среди испаноязычных переселенцев значительно возрос, что позволило капуцинам начать борьбу за влияние в индейских общинах на берегу Коко. Так как здесь традиционно действовали миссионеры из секты Моравских братьев, то католической церкви пришлось искать слабые стороны в их работе. Такая брешь была найдена — система медицинского обслуживания, поскольку большинство клиник, принадлежавших Моравским братьям, находилось непосредственно на побережье. Капуцины построили больницу в Уаспане — крупнейшем поселке на берегу Коко, и начали совместно с лидерами индейских общин реализацию программы по здравоохранению. Кроме того, с 1976 г. капуцины собирали информацию о репрессиях сомосовцев против сельских жителей, в том числе и мискито, и делали

ее достоянием гласности, стремясь тем самым облегчить судьбу индейцев. В результате деятельности ордена некоторые миско становятся католиками, среди них даже появляются священнослужители низшего ранга. Однако численность индейцев-католиков неизвестна.

Не столь успешными были попытки сотрудничества с коренными жителями Селайи в связи с созданием кооперативов. Во второй половине 60-х годов центральное правительство решило превратить индейские общины в земледельческие кооперативы. Хотя первый опыт создания кооперативов в Москитии в 1944 г. оказался неудачным, в 1967 г. капуцины решаются вновь поддержать подобное начинание. При их содействии возникла Ассоциация клубов земледельцев на берегу Коко (ACARIC), объединившая 57 кооперативов, сформированных в индейских деревнях. Это вызвало резкое противодействие протестантских пасторов, опасавшихся ослабления своего влияния среди миско и сумо. Провозгласив вероучение Моравских братьев «этнической религией» аборигенов, секта начала борьбу за сохранение индейских общин, которые в то же время были и основным элементом ее структуры. В 1973 г. появляется Союз для развития миско и сумо (APROMISU), возглавляемый протестантскими лидерами. К работе в союзе были привлечены индейцы и креолы, получившие благодаря секте высшее образование. Организация действовала в четырех округах, на которые была разделена Селайя, и охватывала свыше 150 общин. Миссионеры обучали индейцев рациональным методам землепользования, совместно с миско занимались посадкой деревьев на «индейских» землях, особенно пострадавших от лесоразработок, но главное — боролись за сохранение общинного землевладения. Сомосовская администрация официально не признала союз и периодически запрещала проведение его мероприятий. Несмотря на это, организация продолжала существовать до победы Сандинистской революции. В то же время созданные капуцинами кооперативы, функционировавшие несколько лет, распались. Разрушение земледельческих объединений их организаторы объясняли плохим управлением на низовом уровне [40], иначе говоря, сами индейцы не были заинтересованы в создании подобных объединений. Миско и сумо не испытывали доверия к кооперации, так как она не вписывалась ни в рамки привычных общинных отношений, ни в знакомые многим аборигенам формы капиталистического найма. Например, коренные жители Москитии отрицательно относились к идее объединения для осуществления коллективного кредитования, снабжения семенами или удобрениями, поскольку традиционно решением этих вопросов занималась каждая семья в отдельности. В какой-то мере это отношение индейцев иллюстрирует случай, происшедший с обществом по совместной эксплуатации грузовика, которое существовало в 1975—1978 гг. Общинники охотно пользовались автомобилем, пока он не сломался, после чего никто не захотел тратить свои личные сбережения на его ремонт [41]. Скотоводческие кооперативы распадались по иным причинам. Скот индейцы считали частной собственностью, кроме того, его было немного, и он играл роль резерва, который использовали в чрезвычайных случаях. Поэтому в кооперативах Франсиа Сирпи и Санта Клара миско разобрали коров по домам, и вскоре семьи стали относиться к ним как к своей собственности [42]. Земледельческие кооперативы действовали более успешно, так как коллективный труд в поле был привычным. Но и подобные объединения, как уже говорилось, разрушались, либо из-за неудачной внутренней организации, не соответствовавшей традиции аборигенов, либо по вине администрации, состоявшей из чиновников, поставленных сверху и не заинтересованных в результатах труда [43].

Все это лишний раз подчеркивает, что миссионеры-капуцины недостаточно глубоко знали обычаи индейцев и особенности их хозяйства. Пасторы лучше сумели воспользоваться традициями коренных обитателей региона, и их авторитет среди последних возрастал.

Соперничество ордена капуцинов и секты Моравских братьев отражалось не только на образе жизни населения Селайи, но и на их отношениях к любым

преобразованиям и нововведениям вообще. Моравские пасторы выступали против каких бы то ни было изменений в жизни региона, если они могли как-либо подорвать авторитет секты. Многолетний опыт существования бок о бок с американскими компаниями привел к тому, что братство предпочитало противостоять никарагуанскому правительству. Позиция капуцинов не была столь единодушной и категоричной. В католической общине Селайи выделилось два направления: консервативное — жители поселка Уаспан на р. Коко, и поддерживающее концепцию католического обновления — метисы шахтерских поселков и близлежащих деревень. Представители первого течения среди католиков были согласны с позицией центрального правительства относительно любых преобразований в Москитии. Священнослужители из Сьюна, напротив, контактировали с представителями оппозиции, в том числе и с Сандинистским фронтом, и в какой-то мере подготовили свою паству к восприятию революционных идей и к различным нововведениям [44].

В конце 70-х годов Никарагуа переживала тяжелый социально-экономический и политический кризис, порождавший разного рода конфликтные ситуации. В Москитии, прошедшей иной путь развития, чем западные департаменты, они усугублялись соперничеством католической и протестантских конфессий, а также местными противоречиями, возникшими на различных этапах ее этнической и политической истории. Нагнетанию напряженности способствовали и карательные акции со стороны диктаторского режима Сомосы, которые здесь расценивались как давление со стороны испаноязычных никарагуанцев, навязывавших свою волю жителям Атлантического побережья. В этих условиях многочисленные конфликты, возникавшие в регионе, часто приобретали форму межэтнических столкновений.

В эту сложную, подчас противоречивую ситуацию в Москитии в июле 1979 г. и вмешались сандинисты, попытавшиеся найти новые пути интеграции региона и оригинальные способы решения этнической проблемы.

Примечания

[1] Этнические процессы в современном мире. М., 1987. С. 375.

[2] Pensamiento propio. 1985. № 26. P. 34.

[3] *Arellano J. E.* La situación antropológica y arqueológica en Nicaragua//América Indígena. 1980. № 2. P. 399—403; Boletín nicaraguense de biblijgrafía y documentación. 1981. № 40; *Gage T.* Viajes en la Nueva España. La Habana, 1980; Nicaragua en los cronistas de Indias. XVI—XVIII. 2 vol. Managua, 1975; *Гайдук В. С.* Население Никарагуа в доиспанский период//Некоторые вопросы изучения этнических аспектов культуры. М., 1977. С. 115—130; *Гуляев В. И.* Древнее Никарагуа: от эпохи первоначального заселения до конкисты//Латинская Америка. 1990. № 7. С. 109—119.

[4] *Гайдук В. С.* Этническое развитие Никарагуа во второй половине XIX в.//Проблемы истории и этнографии Америки. М., 1979. С. 187.

[5] *Brautigam-Berr D.* La influencia de las lenguas africanas en Nicaragua//Boletín nicaraguense... 1983. № 51. P. 15—16; *Дридзо А. Д.* Индейцы Никарагуа//Исторические судьбы американских индейцев. М., 1985. С. 213—214.

[6] *Conzemius F.* Ethnographical survey of the Misquito and Sumu Indians of Honduras and Nicaragua. Washington, 1932. P. 13.

[7] Envío. 1984. № 31. P. 12.

[8] *Smutco G.* Los Miskitos, Sumos y Ramas//Boletín nicaraguense... 1981. № 40. P. 69—83.

[9] *Гайдук В. С.* Этнические процессы у индейцев атлантического побережья Никарагуа//Современные этнические процессы. М., 1975. С. 77—78.

[10] Nicaragua y la Revolución Sandinista. La Habana, 1986. P. 299.

[11] Constitución Municipal para el gobierno de la Reserva Mosquita//Encuentro. 1985. № 24—25. P. 160—161.

[12] Подробнее о споре между Гондурасом и Никарагуа по поводу Северной Москитии см.: Национальные процессы в Центральной Америке и Мексике. М., 1974. С. 258—259.

[13] La Mosquitia en la Revolución. Managua, 1981. P. 42.

[14] Barricada. 18.XI.85.

[15] Convenio entre la Gran Bretaña y la República de Nicaragua. 1906//Encuentro. 1985. № 24—25. P. 165—166.

[16] Tratado de Managua, entre Nicaragua y la Gran Bretaña. 1860//Encuentro. 1985. № 24—25. P. 158—160; Constitución Municipal... Art. VI—VIII.

[17] Nicaragua y la Revolución Sandinista. P. 308.

[18] Memorial presentado por los ciudadanos indios y criollos del departamento de Zelaya al Honorable Congreso Nacional//Encuentro. 1985. № 24—25. P. 168—170.

[19] La Mosquitia... P. 85.

[20] Ibid. P. 149.

[21] Nicaragua y la Revolución Sandinista. P. 302.

[22] La Mosquitia... P. 124—132.

[23] Ibid. P. 117—121.

[24] Ibid. P. 113—115, 117—124.

[25] По решению Международного суда в Гааге (1960 г.) Северная Москития (29433 км^2) отошла к Гондурасу.

[26] La Mosquitia... P. 117.

[27] Nicaragua y la Revolución Sandinista. P. 300.

[28] La Mosquitia... P. 94—98.

[29] Envío. 1984. № 31. P. 2—3.

[30] Вопреки статье 8 договора 1966 г. между Никарагуа и Великобританией индейцы часто имели свыше 50 га земли на семью, но не получили документы, подтверждающие их права на общинные владения.

[31] *Rojas Smith O.* Comunidades Indígenas de la Costa Atlántica de Nicaragua//Boletín nicaraguense... 1983, № 51. P. 140.

[32] *Дридзо А. Д.* Указ. раб. С. 216.

[33] Boletín nicaraguense... 1983. № 51. P. 82.

[34] Ibidem.

[35] *Wilson J.* Vida y Obra de los moravos en Nicaragua//Boletín nicaraguense... 1983. № 51. P. 83—85.

[36] Эти ремесла ранее не были знакомы индейцам, которые до прихода европейцев не носили обувь, одежду изготовляли из коры дерева туно, а единственной их «мебелью» был гамак.

[37] La Mosquitia... P. 104; Boletín nicaraguense... 1983. № 51. P. 114, 150.

[38] *Boletín nicaraguense...* 1983. № 51. P. 80.

[39] Śmutko G. Cristianos de la Costa Atlántica en la Revolución//Nicarauar. 1981. № 5. P. 53.

[40] La Mosquitia... P. 135.

[41] Ibid. P. 134.

[42] Ibid. P. 124—125, 134—135.

[43] Ibid. P. 133—136.

[44] Различные аспекты деятельности религиозных организаций Москитии рассмотрены в: La Mosquitia... P. 62—70, 104, 241—242; Los Capuchinos en Departamento de Zelaya (50 anos de labor: 1913—1963)//Boletín nicaraguense... № 51. P. 89—113; Nicaragua y la Revolución Sandinista. P. 302—303, 309; *Smutko G.* Cristianos de la Costa Atlántica en la Revolución. P. 49—65; *Solano F., Sambola A.* Los miskitos y el caso de Mons. Schlaefer//Envío. 1984. № 31. P. 1—21; *Wilson J.* Op cit. P. 79—87.

To the History of Ethnic Relations in Nicaragua

Separate development of Western and Eastern regions of Nicaragua promoted an appearance of two ethnic communities, formed regardiess of each other. Spanish speaking Nicaragua ethnos formed on the West, meanwhile on the East (Mosquitia) continuous the consolidation of Indian ethnoses, and here there was a formation of immigrants groups too.

According to economical crisis and ecological disaster in the middle of the 20th century the ethnic relations in Nicaragua were strained. In the 2nd half of the century Nicaragua government was made efforts on economic and cultural integration of Mosquitia, which promoted the further straining of social and economic problems in the region, especially agricultural, and caused the tension in contacts of Nicaraguans and non-spanish speaking Mosquitiaes. The crisis of the end of the 70th was strained situation to the extreme and caused numerous social and economic conflict, being usually an ethnic one.

E. Yu. Lykova